Черепанов Игорь Владимирович

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

В данной статье рассматривается функциональная проблема сознания, связанная с тем, как оно функционирует и каковы его ключевые механизмы и паттерны. Намечаются основные пути решения данной проблемы в рамках современных психологических и философских концепций сознания. Вскрывается онтологическое отличие сознательного и бессознательного опыта в рамках функционального устройства психики. Исследуется взаимосвязь феноменологии ментального опыта и его нейрофизиологической основы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/57.html

Источник

<u>Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики</u>

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 211-213. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.12

Философские науки

В данной статье рассматривается функциональная проблема сознания, связанная с тем, как оно функционирует и каковы его ключевые механизмы и паттерны. Намечаются основные пути решения данной проблемы в рамках современных психологических и философских концепций сознания. Вскрывается онтологическое отличие сознательного и бессознательного опыта в рамках функционального устройства психики. Исследуется взаимосвязь феноменологии ментального опыта и его нейрофизиологической основы.

Ключевые слова и фразы: сознание; теории сознания; ментальный опыт; функциональная проблема сознания; эпифеноменализм; элиминативизм.

Черепанов Игорь Владимирович, к. филос. н.

Новосибирский государственный технический университет gradeco@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

Функциональная проблема сознания сводится к вопросу о том, как оно функционирует и каковы его основные механизмы и паттерны. Эту проблему в отличие от трудной проблемы сознания, которая заключается в том, почему мы вообще обладаем сознанием, тогда как вполне могли бы жить и как бессознательные зомби, Д. Чалмерс называет легкой, но не потому, что она легко разрешается, а потому, что пути ее возможного разрешения представляются достаточно ясными в свете использования методов эмпирических наук, таких, например, как когнитивная психология, биофизика и нейрофизиология [3, с. 9].

При этом следует заметить, что решение функциональной проблемы сознания, связанной с тем, как оно работает, напрямую зависит от решения методологической проблемы сознания, заключающейся в том, как его можно исследовать, а последняя, в свою очередь, зависит от решения онтологической проблемы сознания, обусловленной тем, как оно бытийствует. Действительно, если сознание представляет собой по сущности нечто физическое, то тогда и законы его функционирования можно раскрыть в рамках естественных наук (биологии, биохимии, биофизики, нейрофизиологии и т.д.). Если же сознание не сводится к чему-то физическому и представляет собой по сущности нечто метафизическое, то тогда и законы его функционирования лежат в иной онтологической плоскости и нуждаются в особых методах, не редуцируемых к набору естественнонаучных процедур, для своего раскрытия и исследования.

Но в любом случае, независимо от того, стоим мы на идеалистических или материалистических позициях (или причисляем себя к сторонникам промежуточных, нейтралистских, теорий), мы должны, стремясь разобраться в механизмах функционирования сознания, прежде всего, понять, что именно оно делает, за какое поведение отвечает, и какая работа психического аппарата становится совершенно невозможной на бессознательном уровне бытия.

И тут при внимательном рассмотрении поставленных задач мы должны признать, что сознание прибавляет к психическим актам нечто особенное и нередуцируемое. Действительно, можно говорить о восприятии вообще, а можно – об осознании восприятия или осознанном восприятии, можно говорить о фантазировании вообще, а можно – об осознании фантазирования или осознанном фантазировании, можно говорить о мышлении вообще, а можно – об осознании мышления или осознанном мышлении, можно говорить о воспоминании вообще, а можно – об осознании воспоминания или осознанном воспоминании. И все это – разные психические акты, которые никак нельзя путать друг с другом, поскольку и восприятие, и фантазирование, и мышление, и воспоминание могут быть как сознательными, так и бессознательными процессами в рамках психического бытия человека.

Значит, исследование механизмов функционирования психики, т.е. исследование таких психических процессов, как, например, восприятие, фантазирование, мышление и воспоминание, вообще говоря, не тождественно исследованию функционирования сознания. И тогда возникает следующий закономерный вопрос: в чем же именно заключается специфика работы сознания, которая отличает его от других психических актов и образует собственную феноменальную сферу опыта? И если мы отвечаем на этот вопрос, утверждая, что сознание в действительности никакой существенной работы не совершает, что оно по своей онтологической природе пассивно и что всякую возможную работу в рамках психического опыта выполняет бессознательное, то тогда мы фактически признаем отсутствие вообще каких бы то ни было механизмов сознания, поскольку если нет активности, то нет и работы, а если нет работы, то нет и энергии, а если нет энергии, то бессмысленно говорить и о механизмах, которые, совершая определенного рода действия, безусловно, потребляют и производят какое-то количество энергии, а также генерируют нечто существенное, что имеет определенный вес в рамках психического опыта и оказывает определенное влияние как на внутренние психические процессы, так и на внешнее физическое окружение. Однако такой ответ в своем логическом завершении приводит нас к элиминативизму, ибо вполне логично заключить, что то, что никак себя не проявляет, т.е. не обладает никакой активностью, не содержит никакой энергии и не оказывает никакого влияния

ни на сферу ментального, ни на сферу физического, должно быть признано не имеющим бытия, т.е. просто не существующим. Ели же мы отвечаем на выше поставленный вопрос, утверждая, что сознание само по себе производит определенного рода действия, что оно по своей онтологической природе активно и что бессознательное способно выполнить далеко не всякую возможную работу в рамках психического опыта, то тогда мы должны четко обрисовать, в чем же именно заключается эта существенная работа сознания в отличие от прочих действий, которые могут быть произведены бессознательной сферой психики.

Понятно, что решение данной проблемы выходит за пределы компетенции таких наук, как, например, биофизика, нейрофизиология или когнитивная психология, ибо все то, что они исследуют, т.е. вся их собственно предметная область, не заключает в себе ничего такого, посредством чего можно было бы отличить перцептивные акты от осознания этих перцептивных актов или мыслительные акты от осознания этих мыслительных актов. И биофизика, и нейрофизиология, и когнитивная психология, по сути, исследуют функции человеческой психики, и поэтому их методологическая база вполне укладывается в рамки функционалистской модели психического аппарата, которая не может провести четкую демаркационную линию между бессознательным и сознательным опытом, сохраняя за последним самостоятельную психическую активность. Отсюда можно сделать вывод, что любая попытка изучить механизмы сознания снаружи, опираясь на какието сопровождающие его феноменальное бытие процессы иного, несознательного, качества, не может дать адекватного результата. Следовательно, изучать сознание необходимо изнутри, опираясь на его имманентные качества, не редуцируемые по своей феноменальной природе к какой-то бессознательной функциональной подпорке. Поэтому исследование механизмов сознания должно носить не естественнонаучный, а феноменологический характер, ибо сознание само по себе как феномен окружающего мира доступно лишь тому познающему субъекту, который сам его непосредственно продуцирует, но никак не тем познающим субъектам, которые пытаются наблюдать его снаружи при помощи каких-то объективно-научных средств.

Далее необходимо ответить на следующий важный вопрос: что же такого существенного делает сознание и какую значимую функцию, не редуцируемую к бессознательным процессам, оно выполняет с феноменологической точки зрения? С учетом вышесказанного понятно, что сознание высвечивает какую-то область бессознательных процессов, надстраивая над ними собственно ментальное содержание, не редуцируемое по своему феноменальному составу к этим бессознательным процессам. Например, человеку может сниться, что он лежит на песчаном пляже под палящими лучами полуденного солнца и наблюдает, как несколько серфингистов покоряют бурные морские волны. Исследуя мозг этого человека, пока он спит, с помощью технически совершенной аппаратуры, мы обнаружим множество процессов нейрофизиологического, биохимического и биоэлектрического характера, но при этом, разумеется, не обнаружим ни песчаного пляжа, ни палящего солнца, ни морских волн, ни отчаянных серфингистов. Физическая основа сновидения, которая не осознается, порождает собственно ментальный опыт, который проявляется уже на сознательном уровне и по своему психическому содержанию не может быть полностью сведен к его физической основе. Поэтому за всяким осознаваемым ментальным переживанием скрывается объективно существующий нейрофизиологический код, который может быть трансформирован при определенных условиях в это субъективно проявляемое ментальное переживание подобно тому, как цифровому коду в памяти компьютера соответствует то или иное распределение цветных пикселей на экране монитора, складывающееся в какую-то наблюдаемую картинку. Следовательно, функция сознания как раз в том и заключается, чтобы переводить нейрофизиологический код, имеющий, в конечном счете, физическую природу, в ментальный образ, существующий уже лишь в рамках самого этого переводящего сознания. И тут, конечно, сразу же возникает вопрос, связанный с тем, зачем вообще переводить нейрофизиологический код в ментальный опыт, в то время как человеческая психика вполне могла бы функционировать лишь на уровне нейрофизиологического кода безо всякого приплюсовываемого к нему ментального опыта, что уже составляет существо не функциональной, а онтологической, или трудной, проблемы сознания.

Если же мы остаемся в рамках функциональной проблемы сознания, то перед нами возникает следующий вопрос: каким образом нейрофизиологический код, отвечающий за бессознательное функционирование психики человека, трансформируется в ментальный опыт, составляющий уже сферу сознательного бытия? Как, другими словами, если возвратиться к выше рассмотренному примеру, в сновидении совокупность нейрофизиологических и биохимических процессов преобразуется в феноменально наполненное визуальное восприятие серфингистов, аудиальное восприятие шума накатывающих волн и кинестетическое ощущение тепла палящего солнца?

И тут опять-таки возможны две противоположные точки зрения — одна идеалистическая, а другая материалистическая. Согласно идеалистической точке зрения ментальная сфера опыта — это самостоятельно функционирующая онтологическая сфера, существующая независимо от работы нейронных сетей головного мозга человека. Поэтому сознание не порождается мозгом, а использует мозг как некое устройство, посредством которого оно может совершать определенного рода действия в окружающем материальном мире. И в этом смысле мозг подобен компьютеру, а сознание оператору, который по своей онтологической природе отличается от компьютера и совершает на нем определенные действия, ограниченные возможностями самого этого компьютера.

Если же мы стоим на материалистических позициях, то в этом случае мы должны признать, что процесс осознания – это процесс трансформации одного материального кода в другой материальный код, или одной последовательности символов в другую последовательность символов, а вовсе даже не процесс преобразования материального кода во что-то совсем нематериальное. С первым, преобразуемым, кодом мы, вроде

бы, разобрались и уяснили себе, что он представляет собой совокупность нейрофизиологических и биохимических структур. Но что представляет собой второй код, в который под действием механизмов сознания преобразуется первый?

На этот вопрос дает четкий ответ, например, Д. Деннет, утверждая, что таким ментальным кодом является человеческий язык [1, с. 19]. Другими словами, сознание появляется там, где определенного рода изначально бессознательные процессы, имеющие в своей онтологической основе нейрофизиологическую и биохимическую природу, получают свою репрезентацию в языке, т.е. как-то называются и описываются в процессе человеческой речи. Поэтому сознание формируется только в языковой среде и принципиально не может развиваться там, где нет никакого языка. А поскольку развитие языка предполагает межличностную коммуникацию, то сознание имеет социальную природу и социальный генезис. При этом следует понимать, что язык, будучи упорядоченной системой символов, конвенционально связанных с определенными переживаниями или с другими символами, проявляется в речи как динамической составляющей языка, которая, в свою очередь, может существовать артикулировано (когда мы что-то членораздельно проговариваем либо вслух, либо про себя) или не артикулировано (когда мы лишь осознанно указываем на результат бессознательной работы психики в виде остенсивной фразы типа «Вот это! Вот оно! Это и есть то, что я имею в виду!»). С помощью не артикулированной речи, в частности, можно объяснить существование феномена медитации, когда медитирующий, концентрируясь на каком-то выделенном объекте, все осознает, но при этом молчит как внешне, так и внутренне, за счет того, что такое осознанное молчание, по сути, и представляет собой не артикулированную внутреннюю речь.

Однако в этих рассуждениях заключается противоречие, обусловленное тем, что сама возможность существования не артикулированной речи ставит под сомнение гипотезу, которая утверждает, что сознание проявляется в момент преобразования нейрофизиологического кода в символы человеческого языка. Дело в том, что речь, какой бы она ни была, артикулированной или не артикулированной, предполагает сопоставление некоего опыта с набором определенных символов, и если при этом языковые символы не осознаются, то мы имеем дело с бессознательной речью, которая есть лишь реализация нейрофизиологического кода и которая поэтому не может породить никакого ментального опыта, а если языковые символы осознаются, то тогда мы используем артикулированную речь. Следовательно, либо не артикулированной речи вообще не существует, поскольку не артикулированная речь фактически означает неосознаваемое сознание, что, конечно же, является самопротиворечивым понятием, либо, признав, существование не артикулированной речи как осознания чего-то определенного во внеязыковой среде, мы должны признать и то, что сознание принципиально не сводится к лингвистической активности субъекта, ибо речь во всех ее возможных проявлениях, вообще говоря, может быть и бессознательной, т.е. может сводиться к реализации определенного набора нейрофизиологических программ и алгоритмов.

Таким образом, решение функциональной проблемы сознания связано с рядом серьезных трудностей, которые обусловливаются, прежде всего, тем, что если мы полагаем механизмы, управляющие работой сознания, в сфере нейрофизиологического бытия, то исчезает сам ментальный опыт как таковой, а если мы утверждаем, что механизмы сознания принципиально не редуцируются к механизмам, отвечающим за бессознательные процессы психики, то в этом случае сознание отрывается от своей физической основы и обретает некий самостоятельный онтологический статус, который, в частности, позволяет ему существовать во внетелесной форме, за счет чего наносится удар по базовым установкам материалистического мировоззрения.

Список литературы

- **1.** Деннет Д. Виды психики. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
- Лабушева Т. М. Сознание вне мозга: миф или реальность? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 95-97.
- 3. Чалмерс Д. Сознающий ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.

FUNCTIONAL PROBLEM OF CONSCIOUSNESS

Cherepanov Igor' Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy Novosibirsk State Technical University gradeco@yandex.ru

This article deals with the functional problem of consciousness related to how it functions and what its basic mechanisms and patterns are. The main ways to solve this problem within the framework of the modern psychological and philosophical conceptions of consciousness are outlined. Ontological difference between conscious and unconscious experience within the functional structure of psyche is revealed. The interrelation of the phenomenology of mental experience and its neurophysiological basis is studied.

Key words and phrases: consciousness; theory of consciousness; mental experience; functional problem of consciousness; epiphenomenalism; eliminativism.